

ΓΕΡΟ
ΛΕΑΝΔΡ

СЕСТИАДА ПЕРВАЯ

На берегах, Нептуном разделенных,
Где жизнь вернейшего из всех влюбленных
Неукротимый Геллеспонт унес,
Стояли древле Сест и Абидос.
Блистала в Сесте Геро красотой,
Та Геро, чьей косою золотою
Однажды так пленился Аполлон,
Что был готов с ней разделить свой трон.
Подбитый синим шелком в ярких звездах,
Ее наряд был легок, словно воздух,
А вышивка зеленых рукавов
Глазам являла лес, где меж дубов
Прельстить Венера силится напрасно
Адониса, уснувшего бесстрастно.
Ее хитон был выкрашен в крови
Тех, кто на смерть пошел из-за любви.
Лоб Геро ветви мирты обвивали,
С него до пят покровы ниспадали,
И дивные цветы на ткани их
Не отличали от цветов живых
Ни люди, уловив благоуханье
Ее, как утро, свежего дыханья,
Ни пчелы, чей до меда жадный рой
Слетался дерзко к ней на грудь порой.
Простая цепь из горного кристалла

На шее Геро, как алмаз, блистала.
Перчатки деве были не нужны,
Затем что даже солнце с вышины
Ее прелестных рук касалось нежно,
Чтоб не обжечь их кожи белоснежной.
На башмачках красавицы сверкал
Застежек пламенеющий коралл,
Где восседали птицы золотые,
До клюва сладкой влагой налитые,
И стоило со стула Геро встать,
Как хор их принимался щебетать.
Хоть лгут, что Купидон по ней томился
И зренья, увидав ее, лишился,
Но верно то, что различить не мог
Ее и мать свою малютка бог,
И часто головою утомленной
Ребячливо склонялся к ней на лоно,
И засыпал, впадая в забытие,
Под ровное дыхание ее.
Так хороша была собою Геро,
Служительница юная Венеры,
Что вся природа плакала о ней,
Когда она ушла в страну теней,
И мир, утратив лучший перл творенья,
Мрачнее вдвое стал от огорченья.

Взрастил Леандра город Абидос.

Там ни о ком не лили столько слез,
С тех пор как он погиб в проливе пенном
И был воспет Мусеем несравненным.
Так пышно кудри юноши вились,
Что их, будь колхом он и остригись,
А не руна, как солнце, золотого
Искали б греки у Ээта злого.
К нему в объятья, если бы смогла,
С небесной сферы Цинтия б сошла.
Как жезл Цирцеи, был он станом строен
И кравчим громовержца стать достоин.
Нежна, как мясо козочки лесной,
Превосходила шея белизной
Плечо Пелопа, но еще нежнее
Казалась кожа на груди под нею,
А формы членов и спины его
Могло измыслить только божество.

Но так как воспевать любовь земную
(А петь богов и вовсе не дерзну я)
Бойтся муза робкая моя,
Не опишу очей Леандра я.
Багрянцем уст навряд ли бы сравнился
С ним тот, кто тенью собственной пленился
И, чтоб ее изведать поцелуй,
Нырнув в поток, погиб в объятьях струй.
Увидь Леандра Ипполит бесстрастный,
И тот влюбился б в лик его прекрасный.
Смягчался, на него бросая взор,
Жестокосердый житель диких гор.
Фракийский воин, варвар, к зверству склонный,
Склонялся пред Леандром, умиленный.
Казался девой он мужам иным:
В нем было все, что страсть внушает им,—
Ланит румянец, красноречье взгляда,
Густых бровей победная аркада.
А тот, кто знал, что был мужчиной он,
Твердил: «Леандр, ты для любви рожден.
Что ж не полюбишь ты, любимый всеми?
Нельзя же лишь себе служить все время».

Весною у сестийцев праздник был
В честь дня, когда в Венере страстный пыл
Адонис пробудил румянощекий;
И путники стекались в Сест высокий,
Чтоб встретить тех, кто дорог их сердцам;
А те, кто не любил, влюблялись там,
Затем что, где б они ни проходили,
Им всюду сонмы звезд живых светили,
Как если б рухнул, запылав, с высот
На горестную землю небосвод,
Воспламенен квадригой Аполлона,
Попавшей снова в руки Фаэтона.
Но, превзойдя всех дев красой своей,
Лишь Геро привлекала взор гостей,
Сильней, чем нимфа юная речная,
Гармонию форм его пленяя.
Властней, чем правит влажный лунный луч,—
Когда Диану с Латма в толщу туч
Взнесут драконы и на колеснице
Она по мрачным небесам помчится,—
Приливом и отливом на морях,

Царила Геро у мужей в сердцах.
Быстрее нимф, охотой распаленных,
Иль грешным Иксионом порожденных
Существ косматых в час, когда с горы
Они бегут, зверея от жары,
Народ навстречу Геро устремлялся,
И каждый, на нее взглянув, влюблялся.
Как в войнах, когда их враг теснит,
Смертельный ужас вызывает вид
Соратников, бегущих или павших,
Так в трепет всех, вокруг нее стоявших,
Ввергали взоры девы молодой:
В них жизнь читал один, и смерть — другой.
Те от тоски вздыхали, эти злились,
А третьи утешались тем, что тщились
Сатиры сочинять. Напрасный труд!
Любовь и злоба вместе не живут.
Иной придет и тут же мертвым ляжет,
Поняв, что дева и царям откажет.

В тот день — проклятый трижды день! —

сошла

Из древней башни, где она жила,
На празднество в святилище Венеры
Ведомая своей судьбою Геро.
Был чудом совершенства этот храм:
По многоцветным яшмовым стенам
Ваятель высек образы Протея;
На фресках потолка, где, зеленея,
Сплетались лозы пышные в клубок,
Вакх выжимал из гроздий алый сок.
Хрустальный пол огнем переливался.
Он «зеркалом Венеры» в Сесте звался,
И сквозь его сверкающий покров
Глазам являла роспись блуд богов,
Насилья их, разврат, кровосмешенье.
Там было всё: Даная в заточенье,
Окутанная золотым дождем;
Европа, уносимая быком;
Юпитер, к Ганимеду ускользнувший,
Чтоб тайно изменить сестре уснувшей;
Марс кровожадный, бьющийся в сети,
Которую Вулкан сумел сплести;
Любовь, чье пламя Трюю погубило;

Сильван, который слезы льет уныло
Пред кипарисом, что когда-то был
Тем отроком, кого он так любил.
И Геро перед алтарем в том храме
Склонялась ниц с закрытыми глазами,
Пролив голубок жертвенную кровь,
И поднимала взор, вставая вновь.
Там деву увидал Леандр, пронзенный
Стрелю Купидона золоченой.
Окаменев, стоял он и смотрел,
Пока огонь, которым он горел,
Не запылал и в юной жрице вскоре:
Так много силы во влюбленном взоре.

Мы чувству не вольны отдать приказ.
Судьба сама решает все за нас.
Где нам два человека незнакомы, —
Предпочитаем тотчас одного мы.
Где есть два схожих слитка золотых,
Нам все-таки милей один из них.
Хотя причин к тому не видит разум,
Мы зову сердца уступаем разом.
Любовь и размышленье не дружны:
Лишь те, чья страсть внезапна, — влюблены.

Леандр пал ниц, но не богини ради.
И шепчет Геро с нежностью во взгляде:
«Вняла б ему я, будь я божеством», —
И делает к Леандру шаг потом.
Встал на ноги Леандр. Она краснеет,
И тот еще сильнее пламенеет.
К ней прикоснулся он. Дрожит она:
Не скрыть любви, когда любовь сильна.
Им заменило речь прикосновение:
Любя, немеет мы от восхищенья.
Без слов беседа их сердец велась,
И мнилось им, что твердь огнем зажглась
И ночь глухая (день для Купидона!),
Восстав из черной бездны Ахерона,
Мгновенно погрузила мир во тьму.
Леандр дал выход чувству своему
В слезах и вздохах, девушке прелестной
Казавшихся мелодией небесной,
Хоть Геро и старалась дать понять,
Что им она не пожелает внять.

Тогда Леандр, надеждой окрыленный,
Заговорил, как ритор изощренный:
«О, внемли мне, чистейшая меж дев!
Пусть победят мои слова твой гнев,
Как ты мой разум взором победила.
Стань пленницей того, кого пленила.
Нет, нет, не можешь быть жестокой ты:
Ужасна красота без доброты.
О, выслушай меня, пока мы рядом:
Ведь я, как ты, не изъясняюсь взглядом.
Знай, будет речь моя честна, проста,
Как молодая жизнь моя, чиста.
Той жертвою, чей сладкий дым клубится
И стелется у ног твоих, о жрица,
Чью кровь на алтаре ты пролила,
Клянусь, что ты Венеру превзошла.
Тебе ли быть ее рабой смиренной?
Она — стекло, а ты — алмаз бесценный.
Он блещет, хоть оправь его свинцом.
Богине, увлеченной пастухом,
Ее любовь лишь славы прибавляет.
Надежду эта мысль в меня вселяет,
Сколь мало ни достоин я тебя.
Мы женщине должны служить, любя,
И как Венеру ты красой затмила,
Так превзойду я всех в служенье милой.
Сияет солнце нам не для того,
Чтоб только любоваться на него.
Корабль, покинув порт и волны роя,
Нам кажется величественней втрое.
Забудь же Сест и гордо отплыви
В необозримый океан любви!
Без дела лежа, лира хриплой станет.
Мужчин чуждаясь, женщина увянет.
Тем ярче медь, чем чаще служит нам.
Кто предпочел бы золото камням,
Не будь оно в таком употребленье?
Клад, скрягою хранимый без движенья,
Не возрастет, тогда как, дав займы,
Порой сто на сто получаем мы.
Удвоить могут красоту наряды,
Но их носить для этой цели надо.
Дворец, в который заколочен вход,

Плачевно обветшает и падет.
Ах, Геро, не губи себя бесцельно!
Для женщин одиночество — смертельно.
Перед самой собою ты грешней,
Чем тот, кто из-за скупости своей
Себя недоеданием истощает:
Он хоть богатство детям завещает,
А ты уйдешь с сокровищем своим,
Не разделив его ни с кем другим
И вполовину обесценив этим;
Иль боги пожелают завладеть им
И ссориться из-за него начнут,
Чем всю природу ввергнут в бездну смут.
Уж так судьбою решено от века:
К любви стремиться — участь человека.
Не более, чем ноль, число один:
Вы, женщины, ничто без нас, мужчин.
Зачем же ты Гимену непокорна
И в одиночку жизнь влачишь упорно?
Дикарь глотает воду из ручья
И думает, что лучше нет питья.
Но тот, кто пьет вино, воды не хочет.
Хоть девушку невинность не порочит,
Но брак сравнить с безбрачьем все равно,
Что с ключевой водой сравнить вино.
Чеканом превращают слитки в чаши,
А мы граним любовью души ваши.
Все совершенства в женщине — от нас,
Как мне твердили старики не раз.
Поверь, что девство — это идол мнимый,
Лишенный бытия, нигде не чтимый,
Не зримый ни во сне, ни наяву,
Уму чужой, противный естеству,
Равно земле и небу неизвестный,
Безобразный, бездушный, бестелесный.
Поэтому хранить его не след:
Нельзя утратить вещь, которой нет.
Хоть добродетель видят беспричинно
В девичьем целомудрии мужчины,
Но можно ли своей заслугой счесть
То, что у женщин от рожденья есть?
Мы сами честь себе стяжаем, Геро:
В деяньях честных — чести нашей мера.

Ты мнишь, что девством славу обрела,
Но и Диану не щадит хула.
Чем женщина красивей и скромнее,
Тем клевета язвит ее сильнее.
А ты ведь так прекрасна, так юна,
Что если долго будешь жить одна,
Вся Греция сочтет тебя виновной
В связи внебрачной, тайной и греховной.
Не запрещай же мне тебя любить,
Не дай себя злоречью погубить.
Иль ты блюдешь безбрачье по обету?
Кому же ты приносишь жертву эту?
«Венере», — Геро молвила с тоской,
И заструились жемчуга рекой
Из двух кристаллов, словно небо, ясных
По млечному пути ланит атласных.
Он возразил: «Ждет от своих рабов
Владычица любви иных даров:
Веселых игрищ, пиршеств, масок, пенья —
Всего, в чем старость видит преступленье.
Тебя богиня станет презирать
За то, что, дав обет мужчин не звать,
В ее глазах ты больший грех свершила,
Чем если б против клятвы погрешила;
За то, что целомудрие твое
Кошунственно роняет честь ее.
Смягчи свою вину, меня лобзая.
Венере жертва радостна такая».
Тут жрицей был влюбленный отстранен,
Но с кротостью такой, что, укреплен
Улыбкой Геро в дерзостной надежде,
Он стал молить настойчивей, чем прежде:
«Хоть меж богов — не то что меж людей —
Никто не стоит красоты твоей,
Блюсти, уж раз ты чтить Венеру свято,
Враждебное ей девство не должна ты.
Воздай Киприде сладостную дань
И этим ей во всем подобна стань.
Любовь чужда лишь девственной Афине,
Но с ней ведь не в ладах твоя богиня.
Так полюби меня, чтоб жизнь вдохнуть
В мою тобою раненную грудь!
Трать юность щедро и неосторожно:

Где нет безумья, счастье невозможно.
Краса, которой слишком дорожат,
Умрет, как колос, если он не сжат».
Леандра Геро слушала бесстрастно,
Хотя на все была в душе согласна.
Ведь уступает женщина всегда,
Твердя устами «нет!», а взором «да!».
В силке любви металась тщетно жрица:
Тем туже он, чем больше рвется птица.
И вот она, стараясь что есть сил
Не показать, как юноша ей мил,
Воскликнула в притворном возмущенье:
«Где ты постиг искусство обольщенья?
О, горе мне! Хоть ты бесстыдно лежешь,
В твоих устах прекрасна даже ложь!»
Леандра упоенье ослепило.
Он к ней шагнул, но Геро отступила
И молвила: «Красавец молодой,
Не оскверняй наряд священный мой.
Вдали от Сеста на скале прибрежной,
Где все безлюдно так и безмятежно,
Что на песчаных отмелях слышны
Лишь всплески набегающей волны
И шум прибоя мерностью своею
Нас помогает усыплять Морфею,
Блюда я в древней башне с юных дней
Венере посвященных лебедей.
Живет со мной кормилица седая,
Чью воркотню выслушивать должна я
И в полдень, и в тиши часов ночных,
Хоть лучше б не на это тратить их.
В той башне жду тебя». Едва несмело
Признание это с уст ее слетело,
Затрепетало сердце девы вдруг,
В растерянных глазах застыл испуг,
Зарделись от смущения ланиты,
И столь же безуспешно, как с орбиты
Планета бы пыталась соскочить,
Она любовь, любя, хотела скрыть:
Простерла руки к алтарю богини
И вновь обет безбрачья у святыни
Перед лицом небес произнесла,
Но эта клятва Геро не спасла.

Ее молитву, гневно деве внемля,
Отбросил Купидон крылом на землю.
За лук он взялся, тетиву напруг,
Метнул стрелу и жрицу ранил так,
Что к Геро, увидав, как той досталось,
Почувствовал и сам немедля жалость.
Он слезы девы в жемчуг превратил
И с ними огорченно в небо взмыл,
Отнес прозрачный груз ее печали
К дворцу, в котором Судьбы восседали,
И стал богинь суровых убеждать
Двум молодым влюбленным счастье дать.
Но только взгляд, столь яростный, что, мнилось,
В нем сразу тысяча смертей таилась,
В ответ на речь свою увидел он:
Был сестрам ненавистен Купидон.
Причину их вражды я вам открою.
В тот самый день, когда своей игрою
Навевал сон на Аргуса Гермес,
Пастушку повстречал гонец небес.
Роса в ее кудрях, густых и черных,
Сверкала ярче жемчугов отборных.
Она была прекрасна, лжи чужда,
Чиста душой и телом, но горда,—
Ведь гордость может быть равно уместной
И во дворце и в хижине безвестной,—
Тем, что любого пастуха пленит
Серебряными розами ланит.
Влюбился небожитель быстрокрылый,
Сковал ее шаги волшебной силой
И юную пастушку задержал
У холмика, где меж кустов лежал.
Он начал ей играть на флейте сладкой
И нежные слова шептать украдкой,
Потом привстал, к ее устам прильнул,
В свои объятия деву притянул,
На землю опустился с нею снова
И стал срывать стыдливые покровы,
Бросая дерзновенный взгляд на то,
Чего не должен видеть был никто,
И без стеснения, как супруг законный,
Ища пути в Элизий потаенный.
Но тут пастушка, помня, что одна

Невинность ей в приданое дана,
И чувствуя, что от борьбы устала,
Звать пастухов на помощь громко стала.
Пришлось ему объятия разжать
И выпустить ее. Она — бежать,
Но хитрый бог посредством клятв и лести
Сумел беглянку удержать на месте.
(Ведь помогает девушку увлечь
Не сила мышц, но пламенная речь.)
Узнав, кого ее краса прельстила,
Восторг в душе пастушка ощутила
И, выслушав признания его,
Потребовала только одного:
Ни отложить минуту упоенья
(Как сделала б другая без сомненья),
Ни дать бессмертье ей взамен любви
(Тщеславье ведь у женщины в крови),
Но совершить деяние, о коем
Не думать вовсе лучше бы обоим:
Похитить для нее небесный мед —
Нектар, который громовержец пьет.
Гермес украл глоток его у Гебы,
Поящей им царя земли и неба,
И юной поселянке снес тайком.
Всеведущий Кронид узнал о том,
Вспылил и эту наглуую затею
Почел преступней кражи Прометея.
Был вору вход на небо воспрещен.
Но тут Гермеса встретил Купидон
И, тронутый его печальным видом,
Решил, что рассчитается с Кронидом.
Стрелой меткой удалось ему
Пронзить сердца богинь судьбы, кому
Земля, и ад, и небеса подвластны.
Гермеса сестры полюбили страстно
И поклялись сложить к его ногам
То, чем они и смертным и богам
Должны в предвечных безднах мирозданья
Прясть, мерить, резать нить существованья.
Гермес не взял даров, но пожелал,
Чтоб свергнувший отца Юпитер пал,
Чтоб возвратил права на трон небесный
Сатурну с Опой отпрыск их бесчестный.

Сатурну Судьбы отдали престол.
Век золотой на землю вновь пришел,
Ибо унес Юпитер в ад с собою
Измены, войны, деньги и разбои.
Но мир и счастье длились только миг.
Едва Гермес, чего хотел, достиг,
Как он, забыв все обещанья разом,
Ответил на любовь сестер отказом,
И стал им ненавистен Купидон.
Юпитеру они вернули трон,
А богу красноречья и ученья
За то, что он посмел в повиновенье
Юпитеру столь дерзко отказать,
Пришлось себе в супруги Глупость взять.
И по решению Судеб Бедность тоже
Должна была делить с Гермесом ложе.
(С тех пор удел ученого — нужда,
А у невежд карман набит всегда.)
Решили сестры, сверх того, из мести,
Что восседать в нетленном храме Чести,
Где детям Муз места отведены,
Одни сыны Мидаса впредь должны;
Что люди светлого ума отныне
Начнут искать приюта на чужбине
Что скоморохи, а не мудрецы
Толпою будут заполнять дворцы
И с помощью кривляний недостойных
Философов лишать наград пристойных,
Вот по какой причине Судьбам был
Их оскорбивший Купидон немил.

СЕСТНАДА ВТОРАЯ

Так мало страсть была знакома жрице,
Что той пришлось на время чувств лишиться.
Тогда Леандр к устам ее прильнул
И жизнь ей в грудь лобзанием вдохнул.
Она очнулась и бежать хотела,
Но взор назад бросала то и дело
И не ушла бы, если бы не страх
Упасть, оставшись с ним, в его глазах.
В конце концов, прикинувшись сердитой
И удаляясь, жрица нарочито
У двери обронила веер свой,
Чтобы увлечь Леандра за собой.
Неопытный Леандр не понял жеста,
Но деве вслед послал письмо из Сеста,
Пришел в восторг, прочтя ответ ее,
И крепость, где сокровище свое
Три Грации сокрыли, взять собрался.
Влюбленный к башне в ту же ночь прокрался,
Но брать твердыню штурмом не пришлось:
Распахнутую дверь увидел гость,
Услышал всюду роз благоуханье —
Красавица сама ждала свиданья.
И вот Леандр пришел. В словах земных
Не рассказать о первой встрече их!
Он был настойчив, Геро уступила,

И первое объятие скрепило
Их искренний и пламенный обет.
Леандр молил и слышал «да!» в ответ.
(Объятие! Какое это счастье
Там, где столкнулась страсть с такой же страстью!
Влюбленным, если чувство их равно,
При жизни к небу вознестись дано.)
Внезапно Геро принялась с тоскою
Корить себя поспешностью такую,
Как будто честь свою втоптала в грязь
Тем, что с желанным другом обнялась,
И требовать с решительностью мнимой,
Чтоб удалился прочь ее любимый.
Крылатый бог утех, смеясь, взирал
На то, как гнев ее Леандр смирял,
А он, чтоб Геро распалить сильнее,
Стал холоднее обращаться с нею.
Та испугалась, что любовный пыл
В душе его от слов ее остыл,
Как Салмакида, к юноше прижалась
И, чтобы пробудить в Леандре жалость,
Любовнику сказала блеском глаз,
Что за обидный для него отказ
Склонить ее к желанной жертве мог он.
Леандр порывом Геро был растроган,
Но, полагая, что достиг всего,
Не обратил вниманья на него,
Как на жемчужину эзопов петел,
И только братской лаской ей ответил.
Однако внятен чувства властный зов
Глупейшим из бессмысленных скотов.
Не может даже в них прикосновенье
Не породить ответного влеченья,
Которое во много раз сильней
У наделенных разумом людей.
Хотя Леандр, в любви неискушенный,
Не знал того, что должен знать влюбленный,
Он больше сердцем, чем умом решил,
Что далеко не все еще свершил.
Он обнял Геро. Жрица увернулась,
Едва на камышах не поскользнулась
И начала сопротивляться вновь.
Воспламенила юношу любовь.

Ее науку он постиг мгновенно,
Искусно, нежно и проникновенно
Свои желанья девушке открыв:
Кто полюбил, тот стал красноречив.
Она же то Леандра целовала,
То, как ручей волну от губ Тантала,
Уста опять спешила отдалить,
Когда свои хотел он с ними слить,
И охраняла клад свой непорочный
Ревнивей, чем корону царь восточный.
Привязан каждый к другу своему,
Но если шлет богатый дар ему,
То о даримом сожалеет втайне
И на гонца глядит со злобой крайней.
Поэтому и Геро не могла
Легко расстаться с тем, что берегла:
Потерянный алмаз опять найдется,
Но чистоту вернуть не удастся.

Но вот проснулась юная Заря,
Коней супруга издали узря,
И, так как медлил тот предстать пред нею,
Взошла из туч, от гнева багровея.
Тогда Леандр, боясь досужих глаз,
Со жрицей обнялся в последний раз,
Но все никак не мог прервать лобзанье:
Для тех, кто любит, тяжек миг прощанья.
Сказала Геро, зарыдав, ему:
«Не измени обету своему!»
И долго-долго, стоя на пороге,
Смотрела вслед любимому в тревоге.
Но солнце, хоть уже восток зажгло,
Из жалости к влюбленным вновь зашло,
И под покровом тьмы, на землю павшей,
Вернулся в Сест любовник запоздавший.
Однако то, что скрыла ночь во мгле,
Читалось у счастливица на челе.
Надел на кудри миртовый венок он,
К груди пришил золотистый локон,
Спадавший прежде жрице на лицо,
На пальце стал носить ее кольцо,
Врученное ей в день, когда Венера
Обет безбрачья приняла от Геро.
Так Сест узнал, что юноша влюблен,

И не доплыл до Абидоса он,
Как было все уже и там известно,
Затем что за Молвою бестелесной
Ветра, с чьих крыльев капает вода,
И те не поспевают никогда.

В свой отчий дом Леандр не возвратился,
А на прибрежный камень опустил
Грустя, как дух, низверженный с небес,
И стал мечтать, что, будь он Геркулес,
Отхлынуть прочь принудил бы он силой
Пролив, его отрезавший от милой.
Как засуху и смерть, войдя в зенит,
Светило дня с небес на мир струит,
Но жизнь в него, клонясь к земле, вселяет,
Так красота мужчину вдохновляет,
Покуда от него она близка,
И губит, если стала далека.
А раз огонь под спудом не таясь,
Раз зеркало страстей — людские лица,
Раз чувство скрыть способен только бог,
То по глазам Леандра каждый мог
Прочсть его душевные движенья,
Как содержанье книги — в оглавленье.
Проведал обо всем его отец
И отыскал Леандра наконец,
Надеясь, что отцовские укоры
Потушат искру увлеченья скоро.
Но страсть тем жарче, чем запрет грозней,
И поученья ненавистны ей.
Как конь горячий, взнузданный впервые,
Грызет поводья, выгибает выю,
Копытом роет землю и храпит,
Так и любовник яростью кипит,
Когда его любви чинят препоны.
Леандр, отцовской речью оскорбленный,
Покинул в исступленье Абидос,
Взглянул на Сест, взобравшись на утес,
Заметил башню Геро в дымке синей
И пенный вал, бегущий по теснине,
Стал умолять, чтоб расступился тот,
Но Геллеспонт все тек и тек вперед.
Тогда Леандр сорвал одежды с тела,
Вскричал: «Иду!» — и в бездну прыгнул смело.

Нептун сапфириноликий возомнил,
Что Ганимед Крониду изменил,
Избрав себе приютом хлябь морскую,
И юношу в объятьях сжал, ликуя.
Тот не успел пошевельнуть рукой,
Как бог увлек его на дно с собой,
Где меж жемчужных раковин, налипших
На груды злата с кораблей погибших,
Прильнув к груди возлюбленных своих,
Сирены пеньем услаждали их
И где стоял дворец, огнем залитый,
В котором проживал Нептун со свитой.
Стал бог лобзать пловца и слово дал
Не расставаться с ним, но увидел,
Что тот уже без чувств, и догадался,
Что в плен к нему не Ганимед попался.
Тогда со дна он вынес гостя сам,
Трезубцем гневно погрозил волнам,
И, не сумев поцеловать красавца,
Те с плачем побежали от державца.
Леандр опять поплыл путем своим,
Но, видя, что Нептун спешит за ним,
Вскричал, тоской и ужасом томимый:
«Убей, но дай сперва побыть с любимой!»
Поклялся бог, что на воде беда
Леандра не постигнет никогда,
И, одарив его браслетом Геллы,
Стал в нем любовный пыл будить умело.
Едва руками тот взмахнет на миг,
Как бог уже к его устам приник,
Чтоб, поцелуй сорвав, назад отпрянуть
И на Леандра с восхищеньем глянуть.
Бросая пеной в гостя своего,
Нептун нырял, любуясь на него,
Опять всплывал и, очутившись рядом,
Окидывал пловца столь страстным взглядом,
Что тот вскричал, досады не тая:
«Оставь напрасный труд. Не дева я!»
Бог, не смутясь отпором столь нелестным,
Повел рассказ о мальчишке прелестном,
Чья редкостная, дивная краса
Собой пленяла даже небеса.
Когда тот шел к ручью, палимый жаждой,

Его схватить хотелось нимфе каждой;
Когда в лесу ложился отдохнуть,
Пытались фавны отрока умкнуть.
Но юноша, прервав повествованье,
Воскликнул: «Гаснет днёвное сиянье
Над зеркалом Фетиде милых вод,
И башню ночь окутает вот-вот.
О, если б вместо рук имел я крылья!»
И вновь поплыл, учетверив усилья.
Вскипел Нептун от дерзости такой
И в юношу метнул трезубец свой,
Но, умягчен любовью, спохватился,
И на Леандра тот не опустил ся,
А повернул и, злом воздав за зло,
Слегка рассек Нептуново чело.
При виде раны стал Леандр печален,
Как если б сам трезубцем был ужален:
Тот, чья натура низости чужда,
Чужой беде сочувствует всегда.
Лишь тем вовеки жалость недоступна,
Чье сердце подло, алчно и преступно.
Нептун вообразил, что он любим,
Раз юноша страдает вместе с ним, —
Любовь слепа, доверчива, беспечна
И нас пустой надеждой тешит вечно, —
Дары Леандру поднести решил
И в океан за ними поспешил:
Быстрее, чем мольбы и настоянья
Приводят к цели щедрые даянья.
Меж тем Леандр, который изнемог,
К земле подплыл и рухнул на песок,
Но встать себя немедленно заставил
И к одинокой башне путь направил.
Когда донесся к Геро тихий стук,
Ей показался слаще этот звук,
Чем для наяды плеск ручья лесного
Иль для дельфина — песня рулевого.
Она вскочила с ложа в чем была
И дверь, в душе ликуя, отперла.
Но, видя, что пред ней нагой мужчина
(Для нежной девы — редкая картина!),
Метнулась от него во тьму назад
(Во мгле ночной искать и надо клад).

Он побежал за нею, ослепленный
Сверканьем груди полуобнаженной,
И тут она, спасения ища,
К себе в постель забила трепеща.
Тогда Леандр, иззябший и дрожащий,
Сказал с упреком девушке молчащей:
«Пригрей хотя б из жалости меня,
Раз нет в тебе любовного огня.
О берег головой пришлось мне биться —
Дай на твою подушку ей склониться.
Позволь обвить тебя моим рукам,
Меня к тебе донесшим по волнам».
Она, в испуге слыша эту речь,
Ему к себе позволила прилечь,
И пыл, как в персти дух огнем небесным,
В Леандре был зажжен теплом телесным,
Бросающим того, кто молод, в жар
Сильней, чем Марса пьяного — нектар.
Он Геро сжал в силке, из рук сплетенном,
Но, как Диана перед Актеоном,
От страха побелев, стыдом полна,
Рванулась от любовника она,
Под покрывало с головой нырнула,
Концы его крепче натянула
И, спрятавшись под ним, как под шатром,
Сочла, что ей опасность нипочем.
Меж тем Леандр шептал ей в упоенье
Обеты, похвалы и уверенья,
Но Геро, чуть он прикасался к ней,
Оборонялась гарпии злобней
И, стойкая, как смелый воин в деле,
Врага не подпускала к цитадели.
А он, хоть и взошел под кровом тьмы
На круглые, как глобусы, холмы
(Я сравнивать их вправе с этим словом:
По ним плывет любовь к восторгам новым),
Но, крепость к сдаче все ж не согласив,
Трудился бесполезно, как Сизиф.
По счастью, Геро перестала биться
В его руках, как пойманная птица.
Уже ее глазам Леандров пыл
Мир незнакомых радостей открыл,
И сдаться под предлогом благовидным

Ей не казалось более постыдным:
Ведь женщина, вступив в подобный бой,
Взять верх дает охотно над собой.
Тогда Леандр, сочтя себя Алкидом,
Проник в сады к блаженным Гесперидам,
Чей плод сумеет описать лишь тот,
Кто с дерева их сам его сорвет,
И дрожь двух тел слилась в единый трепет,
И вздохом изошел любовный лепет.
Но только миновал блаженный миг,
Как вновь Леандр к ее устам приник,
И каждый поцелуй, для Геро сладкий,
Был для него сигналом к новой схватке,
Тем более что Геро с этих пор
Уже не смела дать ему отпор.
Увы! Любовь не знает состраданья:
У ней один закон — ее желанья.

Теперь хотелось Геро, чтобы прочь
Вовеки утро не прогнало ночь.
При мысли, что когда рассвет проглянет,
Он их вдвоем на ложе нег застанет,
Как Марса с Эрициною в сестях,
Ее терзал непобедимый страх.
Она боялась встретить взгляд нескромный
Того, кому под сенью ночи темной
Заветный клад должна была отдать.
И вот она тайком решила встать,
Чтоб скрыться где-нибудь в каморке дальней,
Оставив одного Леандра в спальне.
Но не пришлось и шагу ей ступить,
Как он успел ее рукой обвить,
И, полунаготой с сиреной схожа,
Остановилась девушка у ложа
Так, чтоб заметить юноша не мог
Ее одной лишь тьмой прикрытых ног.
Однако краска залила ей щеки,
И отступил, редая, мрак глубокий:
Они сияли, от стыда горя,
Как до зари взошедшая заря.
Румянец выдал Геро, ибо стало
Леандру видно все, что та скрывала
И чем залюбовался он, как Дит,
Который на сокровища глядит.

В тот миг над океаном с небосклона
Раздались звуки лиры Аполлона,
И неусыпный Геспер, внемля ей,
В квадригу стреловержца впряг коней.
Он побежал по тучам перед ними,
Пугая ночь лучами золотыми,
И взор ее от ужаса померк,
И вестник света в ад ее низверг.